

Михаил Барро
Маколей. Его жизнь и
литературная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175452

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Детство и годы учения	5
Глава II. Первые произведения и речи	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Михаил Барро Маколей. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк М.В. Барро.

С портретом Маколея, гравированным в Лейпциге Геданом

Глава I. Детство и годы учения

Могила З. Маколея в Вестминстерском аббатстве. – З. Маколей – отец Т. Б. Маколея. – Предки их. – Значение духовной карьеры в характере Маколеев. – Выдающиеся представители фамилии. – Первые годы З. Маколея. – Служба в Вест-Индии. – Влияние картин рабства. – Попытки компромисса. – Возвращение в Англию. – Противоневольническое движение. – Уильям Вильберфорс. – Парламентская борьба с рабовладельцами. – Сьерра-Леоне. – Захария Маколей – директор колонии. – Его труды и неудачи. – Первая поездка в Англию. – Встреча с будущей женой. – Окончательное водворение в Англии. – З. Маколей – секретарь противоневольнического общества. – Женитьба. – Рождение Т. Б. Маколея. – Его детство. – Замечательные умственные способности. – Первые книги. – Начало школьной жизни. – Влияние отца и знакомых. – Переход в университет. – Семейный раскол. – Маколей – либерал.

В Вестминстерском аббатстве, этом пантеоне Англии, недалеко от могилы Джемса Макинтоша, стоит скромный памятник со следующей красноречивой надписью: «Захарии Маколею, который в течение долгой жизни с напряженным, но спокойным упорством, не останавливаясь среди успеха, не страшась никаких неудач, трудов, лишений или упреков, посвятил свое время, талант, имущество и всю энергию души и тела на пользу угнетенного человечества и участвовал больше сорока лет сряду в совещаниях, руководимых и благословенных Богом и благополучно увенчанных сначала – освобождением Британской империи от преступного торга неграми, а потом – дарованием свободы 800 тысячам невольников, – поставлен этот памятник теми, кто черпал мудрость из духа и урок из жизни покойного, а теперь смиренно радуется в уверенности, что через божественного Искупителя, опору всех его надежд, он разделяет блаженство покоящихся от труда, дела которых следуют за ними».

Захария Маколей – отец историка Томаса Бабингтона Маколея. Отдаленные предки обоих – шотландские горцы, ближайшие – ревностные пресвитериане и большей частью священники. Принадлежность к духовному сословию – весьма важное обстоятельство, когда речь идет о деятелях Англии XVI, XVII и XVIII столетий. Эта эпоха отмечена религиозной борьбой, а эта борьба, в свою очередь, придавала своим участникам политический оттенок, выдвигала на общественное поприще «людей героических, которые высоко держали в своих руках грозные орудия пропаганды». Священное Писание было для этих людей политическим руководством, они извлекали оттуда примеры. Летопись минувшего была для них готовым стереотипом для катехизиса настоящего и будущего. Они даже говорили языком Библии и в своих идеях видели внушения Святого Духа.

Такое настроение не могло улечься сразу. Когда затихла борьба на почве догматов, борьба официального характера, у домашних очагов еще продолжала сохраняться ее героическая мимика и жестикуляция, подобно тому, как сохраняется осанка старого воина вдали от военных тревог, в мирной тиши деревенской жизни. И подобно тому, как появление этого воина на покое часто придает сельской беседе воинственный оттенок, так умственные течения в семьях английских священников, ветеранов религиозной борьбы и их потомков, очень долго оказывались результатом слияния религиозных и политических течений. В такой атмосфере необходимо должны были создаваться люди, глубоко преданные своему делу, у которых служение Богу было в то же время служением обществу и служением не в том, чтобы подгонять общество под существующие формы, оправдывая их сомнительными ссылками на Священное Писание, но в том, чтобы подвигать его на путь совершенства. Правда, предел, его же не преjdeши – конечно, по личным воззрениям отдельных представителей этой среды – нередко нарушал единство гуманных стремлений последних, но только единство, и все потому же, что эти люди не могли отрешиться раз и навсегда от завещанного традици-

ями взгляда на прошлое как на незаменимый стереотип для настоящего и будущего. С этим придется считаться, говоря о Маколеях.

В самом начале XVIII века один из представителей этой фамилии, Олэ, дед Захарии Маколея, был священником в Шотландии. Он исполнял свою обязанность чрезвычайно ревностно и при самых тяжелых условиях, не имея ни храма для службы, ни хлеба и вина для таинства, ни земли, ни церковного дома. Старший сын его Кеннет – подобно отцу, священник – выступал в то же время на литературном поприще, а другой, Джон, того же звания, отличился еще в юные годы как ярый противник Стюартов и фанатичный виг. Он едва не сделался причиной гибели претендента на английскую корону, Карла-Эдуарда, потому что выследил его местопребывание и донес об этом властям. В более мирной обстановке Джон был известен как замечательный оратор и пользовался влиянием среди сограждан. В 1774 году он покинул Инверари, где началось его священничество, и переселился в Кардрос в Домбартоншире, где провел пятнадцать лет до конца своей полезной и почтенной деятельности.

Джон Маколей был женат дважды. Его первая жена умерла от родов, а восемь лет спустя, в 1757 году, вдовец женился на Маргарите Кэмбел, от которой имел патриархальное число потомков. Воспитание всех этих двенадцати велось по старинной шотландской системе, сохранявшейся в семьях священников: чистый воздух, скромная пища и довольно основательные познания в светских и духовных науках. Первый из питомцев этой системы, старший сын Олэ, был впоследствии священником и вместе с тем славился как знаток древностей и учитель, причем в качестве последнего был известен даже в придворных кругах. Он работал также на литературном поприще и написал несколько памфлетов и исследований. Как ни почтенны, однако, личности Олэ Маколея и его родичей, не их заслуги привлекли к этой фамилии сперва все английское, а потом и всемирное внимание. Она обязана этим двум последним своим представителям: брату только что названного Олэ – Захарии и его сыну Томасу.

Биографических сведений о Захарии Маколее немного. Он родился в 1768 году и всего шестнадцати лет уже занимал самостоятельное положение на службе в одном шотландском торговом доме. Как бухгалтер он был послан своими доверителями в Вест-Индию на остров Ямайка и оказался лицом к лицу с плантаторами и неграми, их рабами. В теории это не было для него неожиданностью. Даже больше. В теории рабство не казалось ему злом, с которым надо бороться. Так воспитали его семейные предания, и это было слабое место не одних Маколеев, для которых, как для многих других, прошлое было стереотипом настоящего, и что существовало в этом прошлом, то должно было существовать и в будущем. В глазах этих людей рабство пользовалось всеми правами на существование, потому что слово «раб» упоминается в Библии, и та же Библия говорит рабам: «Рабы, повинуйтеся владыкам вашим». Но на практике большинство этих людей отступало от своей программы: в их исторической преданности общественным интересам, благу человечества и гуманности была их сила. Как только практика свела Захарию с теоретически признанной «необходимостью», он сразу почувствовал, что эта «необходимость» – зловонная язва и что никакие ссылки на Священное Писание не могут оправдать страданий одной стороны и насилия другой. В выборе средств врачевания язвы он был не так решителен. Он взглянул на дело сперва глазами филантропа, с сокрушенным сердцем проливающим елей на раны страдальцев, без всякой мечты о новом порядке. Одним словом, вначале это был один из сострадательных самарян, поправляющих злодеяния разбойников, но чуждых огня негодования... Нагих они одевают, голодных кормят, к заключенным приходят со словом утешения, но редко восклицают «*Quousque tandem, Catilina?!*»¹ и еще реже низвергают Катилину.

¹ «До каких же пор, Каталина?!» (лат.).

В этом духе начал действовать и Захария. Он решил сперва пойти на компромисс и в продолжение своего восьмилетнего пребывания на Ямайке, по собственным его словам, стремился, сколько мог, «облегчить страдания значительного числа своих собратьев и сделать для них возможно слаще горькую чашу рабства». Не принадлежа, однако, к числу филантропов, совесть которых успокаивается перемещением копейки из их кошелька в руку голодного собрата и которые, как бывали тому примеры, даже впадают в грусть при мысли о возможности такой эпохи, когда не будет надобности в подобной гимнастике души, Захария не замедлил почувствовать, что подслащивание горькой чаши рабства – лишь начало более серьезного дела: уничтожения самого рабства.

Конечно, выступить с подобным проектом перед вест-индскими плантаторами нечего было и думать. Рабство было фундаментом их благополучия, счастьем их семей, источником радостей их бытия, и они зорко оберегали его, с тем большим успехом, что пропаганда освобождения негров легко подводилась под параграф о возбуждении опасного недовольства и затем рассматривалась судом присяжных из тех же рабовладельцев и их сторонников. Для делового человека, каким был Захария Маколей, несмотря на его молодость, было совершенно ясно, что изменение вест-индских порядков зависело от Англии, от общественного мнения последней, а потому он решил оставить Ямайку и вернулся на родину, к великому изумлению своего отца с его стереотипными воззрениями на рабство.

Решение Захарии, по всей вероятности, было вызвано слухами и вестями о том, что в Англии вопрос об освобождении негров уже назрел в достаточной мере и только требует в ряды своих деятелей людей энергичных и преданных. Борьба действительно начиналась по обе стороны Атлантического океана. В 1775 году, с целью добиться отмены невольничества, в Филадельфии образовалось общество аболиционистов под председательством Франклина. В Англии центральной фигурой этого движения был Уильям Вильберфорс.

Уильям Вильберфорс родился 24 августа 1759 года в Гуле. Единственный сын Роберта Вильберфорса и его жены Елизаветы был слабым, близоруким и низкорослым мальчиком, отличавшимся светлым умом и большой энергией. Юные годы Уильяма, вплоть до окончания университета, протекли среди впечатлений двоякого рода. Родичи со стороны отца тянули его в область религиозных вопросов, на почву личного совершенства. Влияние матери и ее круга вместе с материальным достатком ставили его в непосредственное столкновение с забавами веселой и рассеянной жизни. Как человек богатый, он повсюду являлся желанным гостем. Как человек прекрасной души, Уильям повсюду приобретал друзей и сторонников, что имело весьма важное значение и сказалось громадным большинством, которое он получил на выборах в нижнюю палату как депутат от Гуля.

Симпатии Вильберфорса влекли его в эту пору в сторону либерализма вплоть до признания французской революции великим актом прогресса. Но в это настроение была вкраплена мысль о необходимости позаботиться о душе, о нравственном совершенствовании человечества, и это казалось ему гораздо более целесообразным, чем заботы о переделке общественных форм. И Вильберфорс на всю жизнь остался двойственным человеком: с перевесом в первую пору – в сторону общественных интересов и в сторону нравственного совершенствования – во вторую. Сама программа деятельности, которую он начертал для себя, носит характер этой двойственности. «Всемогущий Бог, – писал он, – положил передо мной два великих дела: уничтожение невольничества и реформу нравов...» Вопрос о неграх заинтересовал его еще в 1773 году, когда он учился в Поклингтонской школе, а в 1780 году, в письме к своему другу Гордону, Уильям уже просил собрать для него сведения о положении рабов и выражал надежду «уничтожить неправду этого печального и унижительного дела».

Несправедливо было бы, однако, приписывать ему исключительную инициативу в этом вопросе. Это благородное движение имело в своей природе несколько созвучных потоков фокусов, которые с течением времени слились в один и растопили, наконец, ледяную

кору равнодушия к человеческим страданиям. Как всегда бывает в таких случаях, первой коснулась этой темы сатира. Потом заговорили с церковной кафедры, хотя это было скорее исключением, чем правилом, – впрочем, не в Англии. В Англии духовенство почти всегда стояло на пути гуманности, и потому его инициатива в вопросе о неграх была в порядке вещей. С кафедры против рабства впервые выступил епископ Портейс в 1783 году, а год спустя появилось исследование Рамзея о положении рабов. Затем, в 1785 году, доктор Пиккер избрал ту же самую тему на соискание премии Кембриджского университета, которую получил Томас Кларксон за сочинение «Исследование о рабстве и торговле невольниками, главным образом африканской».

В лице Вильберфорса к делу освобождения примкнул политический деятель. Новобранец был самый желанный. Его красноречие обеспечивало наплыв новых сторонников освобождения негров, ожидавших живого и страстного слова, яркого синтеза их неясных и нерешительных симпатий, а дружеская связь не в одной только области бакалейных интересов со знаменитым Питтом открывала доступ в неприступные официальные верхи. В 1792 году произошла первая парламентская битва на почве эмансипации негров. Это было в эпоху французской революции. Вопрос о неграх казался при таких условиях в консервативных кругах и в глазах самого Георга III чем-то вроде ритуального сигнала на волшебных собраниях нечистой силы, вслед за которым должны были появиться на сцене все призраки, переворачивавшие вверх дном государственный строй по ту сторону Ла-Манша. К этому присоединились жалобные вопли вест-индских плантаторов и благочестивые размышления более философичных противников билля об отношении Библии к рабству. Но это была уже роскошь.

Главным аргументом являлись французские события, и потому билль, в 1792 году принятый уже в принципе нижней палатой, в 1793-м – в самый разгар революционной бури – был отвергнут той же нижней палатой. Через год представители общин несколько оправились и опять приняли первое решение, но лорды стояли на втором.

Чтобы победить это сопротивление, сторонники эмансипации оставили на время парламентскую борьбу и занялись более мирной пропагандой своего дела. Как одно из средств этой пропаганды решено было образовать колонию свободных негров с целью показать, что негры способны к цивилизации и потому заслуживают уважения своей личности. Таким образом возникла колония Сьерра-Леоне на берегу Гвинейского залива – с главным городом Фритауном, – ныне республика того же названия. Захария Маколей был назначен одним из администраторов, а немного спустя – и директором колонии. Дело было в высшей степени трудное. Прежде всего, приходилось бороться с губительным климатом местности, затем – с почти непобедимой косностью негров, воспитанных долгой каторгой невольничества. Нужны были железная воля Захарии Маколея и его безграничная, почти фанатичная преданность задаче, чтобы пробыть в этом аду целых шесть лет. Борьба с недовольством и возмущениями колонистов, администрация с обширной перепиской, школьное дело, проповедничество в церкви – на все это хватало Маколея. Ему приходилось играть роль еще и дипломата, потому что соседние африканские племена, особенно их торговые представители, смотрели на колонию недоброжелательно, и Маколею нужно было совершать путешествия к этим соседям, чтобы оградить себя от их неприязни. В 1794 году случилось событие еще более печального свойства. К Фритауну прибыла флотилия французских работаровцев под флагом республики и предъявила дирекции требование выдать сбежавший живой груз, будто бы укрывшийся в колонии. Тщетно Маколей уверял капитана флотилии, что никакие беглые негры не укрываются колонией, и напоминал о принципах великой революции – ему отвечали, что эти принципы хороши на берегах Сены, а не в Африке, на берегу Гвинейского залива. Правда, Маколея накормили обедом, – к великому его негодованию, без молитвы, –

но колония все-таки пострадала, потому что рассерженные мореплаватели в припадке гнева не пощадили ничего, что поддавалось уничтожению.

«В конторе, – рассказывал Маколей, – все бюро, ящики, полки, а также типографские станки были разрушены в поисках денег. Полы были покрыты рассыпанным шрифтом, бумагами, листами, вырванными из книг, так что труды мои и моих сотрудников за несколько лет совершенно погибли. На городскую библиотеку нельзя было смотреть без сокрушения: повсюду были разбросаны книги, разорванные с каким-то адским неистовством; особенно досталось тем из них, которые по виду походили на Библию. Различные коллекции подверглись столь же незавидной участи. Растения, семена, высушенные птицы, насекомые, рисунки – все это не нашло ни малейшей пощады. Французы рассеялись по домам, рубили, рвали, уничтожали каждую вещь, которая не могла послужить им на пользу, и в то же время стреляли в попадавшихся им на улицах животных...»

Почти через год после этого события Маколей впервые временно уехал в Англию. Этого требовало его здоровье, расшатанное злокачественной лихорадкой. На родине, как один из деятельных ревнителей эмансипации, он был принят самым дружеским образом в кружке Вильберфорса и удостоился чести познакомиться с влиятельной представительницей этого кружка Анной Мор, в Сослип-Грине близ Бристоля. Здесь он встретился с молодой девушкой Селиной Мильс, дочерью весьма почтенного бристольского книгопродавца, один из братьев которой издавал в Бристоле газету и пользовался некоторой известностью в литературном мире. Молодые люди вскоре почувствовали симпатию друг к другу, но друзья Селины рассчитывали на более блестящую для нее партию, а сестра Анны Мор, Патти, совсем отговаривала ее от замужества, очаровывая прелестями дружеской жизни в Сослип-Грине. Однако дело было улажено при помощи всемогущей Анны Мор – с тем лишь условием, что свадьба состоится по окончательном возвращении Маколея из Африки.

Это возвращение совершилось в 1799 году, после вторичного, почти двухлетнего, пребывания Захарии в Сьерра-Леоне. Распрощавшись с колонией, Маколей не оставил дела, которому начал служить еще на Ямайке, и если, может быть, момент этого прощания был ускорен личными интересами Маколея, то его присутствие в Англии, в самом центре освободительного движения, вполне совпадало с интересами этого движения, несомненно выигрывавшего от такой перемены. Сьерра-Леоне нуждалась в рядовых деятелях, в простых исполнителях программы ее основателей; энергия же и преданность идее таких людей, как Маколей, была нужна на боевой линии, у не взятых еще позиций рабовладельцев. Все это оправдалось в самом близком будущем.

Приезд Захарии в Англию устранил последнее препятствие устройству его семейного очага, и 26 августа 1799 года он женился на Селине Мильс. Молодые жили первое время в Ламбете, а когда настала пора родов, перебрались в Ротлей-Темпл в Лестершире. Здесь, в небольшой комнате с дубовой обшивкой, почерневшей от времени, вместо обоев, с видом на парк с востока и на небольшой садик с юга, 25 октября 1800 года родился первый и последний в роду Маколеев – Томас Бабингтон Маколей.

Ребенок очень рано обнаружил все признаки замечательного ума. В три года он почти не разлучался с книгой. Он проводил за ней целые часы, лежа на ковре перед камином с бутербродом в руке. Еда совмещалась с чтением – лучшее доказательство, что чтение уже захватывало его со всей силой. И так было постоянно, как можно видеть из ответа Тома на замечание матери, что наступает время учения в школе и основательных занятий. «Обещаю тебе, – сказал он, – что отныне прилежание будет моим хлебом и внимание – маслом». Игры его не интересовали. Его голова постоянно была занята прочитанным или собственными фантазиями о прочитанном. Экономка и мать были вечными слушательницами этих импровизаций, пересыпанных «печатными словами». Первым чтением его, по выбору родителей, были книги духовного содержания, а затем, по выбору самого ребенка – «Потерянный рай»

Мильтона, «Странствия пилигрима» Беньяна, Вальтер Скотт и все, что давало работу его воображению, богатому уже в эту раннюю пору. Он постоянно жил в мире вымыслов, аллегорических фигур, деяний прошлого, и любое внешнее движение находило в нем мгновенный отклик, подобно лучу солнца, упавшему на богатую почву, полную жизненных зародышей... Один знакомый напоминал ему лицом Моисея, второй – Олоферна, третий – Мельхиседека, четвертый, с угрюмой наружностью, – апокалиптического зверя.

В восемь лет Маколей сочинял и строил недетские планы. «Мой милый Том, – писала об этом его мать, – обнаруживает признаки замечательного ума. Он одинаково успешно занимается разными предметами и приобрел уже такую массу сведений, что, если принять в расчет его возраст, это поистине поразительно. Привожу здесь несколько примеров, чтобы дать понятие о его умственных способностях. Год тому назад пришло ему в голову написать краткий очерк всеобщей истории – и действительно, он сумел довольно толково изложить связь между событиями от сотворения мира до настоящего времени. Он сказал мне однажды, что написал сочинение, которое Генри Дель переведет на малабарское наречие и которое имеет целью склонить население Транковара к принятию христианства. Прочитав это писание, я убедилась, что оно содержит довольно ясное понятие об основных истинах христианской религии и несколько серьезных аргументов в пользу ее превосходства над другими. Под влиянием Вальтера Скотта он задумал написать поэму в шести песнях, которую озаглавил „Битва при Чивите“. Окончив в два дня три песни – каждая в 120 стихов, – Том остановился, но, без сомнения, довел бы до конца свой труд, не приди ему в то же время мысль сочинить другую поэму, об Олафе Великом, в которую, по примеру Вергилия, он хотел вставить пророческую песнь о судьбах своего семейства».

Школьное учение юного Маколея началось в 1813 году и продолжалось пять лет в известном тогда пансионе Престона в Шельфорде близ Кембриджа. Любимыми его предметами были история и литература, зато математика приводила Тома в отчаяние своей сухой недоступностью и навсегда осталась ахиллесовой пятой его знаний. У Престона он жил на полном содержании, дома появлялся только наездом и восполнял недостаток свиданий с родными довольно деятельной перепиской. Весьма характерная черта этой переписки – живейший интерес к событиям дня. Как большинство учебных заведений на всех меридианах, школа Престона отнюдь не была повинна в возбуждении этого интереса. Совсем напротив. В ее стенах эти интересы появлялись только контрабандой и, конечно, не всегда удачно исправляли в таком виде недостатки официальной программы. Впрочем, если мистер Престон имел обыкновение цензурировать корреспонденцию своих питомцев, он не нашел бы ничего предосудительного в адресованных Маколею письмах, а ответы последнего лишь удивили бы его своим недетским характером. Этот характер был отражением традиционной черты фамилии Маколеев – постоянного интереса ее представителей, с той или другой точки зрения, к событиям общественной и государственной жизни. И стоит только представить себе Захарию Маколея, вечно занятого секретаря «Противоневольнического общества», редактора журнала этого общества «Христианский наблюдатель», автора отдельных брошюр все по тому же вопросу освобождения рабов, неутомимого корреспондента целой группы выдающихся деятелей Англии и Франции, чтобы понять, какие беседы велись в скромных апартаментах этого гуманиста. Юные годы Тома протекали в самый разгар аболиционистского движения. Семейная обстановка этих лет получила при таких условиях характер какой-то главной квартиры на театре военных действий, с ее непрерывной чередой то радостных, то печальных известий, с пестрой сменой физиономий посетителей, бесконечных дебатов, с приливом и отливом брошюр, бумаг и писем.

«Я помню Вильберфорса, – рассказывал впоследствии Маколей, – почти с колыбели. Его чудный голос давно звучал в моих ушах. Этого человека, бывало, слушаешь, как певицу».

Очевидно, ребенка не устранили от разговоров старших, и мало-помалу он тоже стал принимать участие в семейных дебатах и в делах, вызывавших эти дебаты.

«Милый папа, – писал однажды четырнадцатилетний участник дебатов, – так как в понедельник мне будет недосуг взяться за перо, ибо у нас назначены экзамены, то я отвечаю сегодня на Ваше длинное и милое письмо. Я в восторге от того, что общество принимает столь горячее участие в вопросе о распространении христианской религии в Индии. Шотландская кровь заговорила во мне при вести, что в одном только сельском приходе 1750 лиц подписались под прошением по этому поводу. Спросите мамашу и Селину, соглашаются ли они, наконец, *с моим мнением*, что шотландское сельское население гораздо выше английского...»

В 1818 году Маколей поступил в Троицкую коллегию Кембриджского университета. С этих пор начинает рушиться его взаимопонимание с семьей. Кружок Вильберфорса, с которым вполне был солидарен бывший директор колонии Сьерра-Леоне, отличался в эту пору строго консервативным складом во всем, что не касалось рабства. А между тем, подобно христианской морали, заставившей Захария разойтись с семейными воззрениями и стать в ряды освободителей негров, близость к этим освободителям, в свою очередь, заставила его сына примкнуть к либералам. Это было вполне естественно и вполне логично. Данные, которыми пользовались аболиционисты, воздействуя на общество и вызывая его сочувствие к неграм, картины тяжелого положения рабов и жестокостей плантаторов, совершенно неожиданно для агитаторов кружка Вильберфорса, гармонировали с мрачным эхом английской жизни в ее измученных низах. В воображении гуманиста на смену неграм и плантаторам появлялись при этом белые рабы и их владыки, и сердце наполнялось жаждой нового освобождения, не менее сильного, чем жажда аболиционистов. Это именно настроение переживал Маколей в стенах Кембриджского университета, а дружба с коллегой Чарлзом Остином, восторженным поклонником республиканских учреждений Соединенных Штатов, окончательно решила исход настроения. Дома ничего не подозревали об этом. Учение шло своим порядком с выдающимся успехом, а в ногу с ним, то есть в духе семьи, предполагалось, маршировали и политические воззрения Тома.

Разочарование было полным, когда настали события, известные под названием «Питерлоо». Еще в конце XVIII века экономическое и политическое положение Англии вызывало опасения вверху и недовольство снизу. Борьба с Наполеоном временно отвлекла внимание общества, но когда она окончилась, зло обнаружилось лишь в более ужасном виде. Торговля была подорвана и находилась в застое, налоги достигали неслыханных размеров, народ бедствовал и голодал. Между тем представительная система государства не давала никакой возможности, или только случайную и слабую, облегчить законодательным путем положение большинства населения, напротив – заранее гарантировала преобладание немногих над прочими. Необходимость парламентской реформы с целью расширения избирательного права и отмены хлебных законов как первого средства уврачевать зло ближайшей минуты сознавалась всеми, и потому, когда в 1819 году была назначена сходка по этому поводу в местечке Сент-Питерсфилде близ Манчестера, на нее собралось до восьмидесяти тысяч человек. Распорядители сходки позаботились, чтобы никто не явился на нее с оружием, дабы все имело вполне мирный характер, и это было исполнено, но как только радикальный оратор Гонт взошел на трибуну, на площадь вступили отряды конницы и стали разгонять манифестантов оружием. Шесть человек было убито, более шестидесяти – тяжело ранено, из них – несколько женщин, – в этом и состояла «битва при Питерлоо», как называли ее по аналогии с Ватерлооским сражением. Однако остроумными сравнениями дело не ограничилось. Весть о подавлении «беспорядков» охватила негодованием всю Англию, где только чувствовали интерес к событиям дня, чуждый бездушного консерватизма. Далеко не

либеральный лондонский Сити подал адрес, то же сделали Бристоль, Ливерпуль, Ноттингем и Йорк.

Но момент еще не созрел, и тори, стоявшие у власти, довольно спокойно оправдывали свои меры и продолжали подавлять недовольство, оставляя без внимания представления общества. На их стороне были также симпатии аболиционистов и самого главы их – Вильберфорса. «Резкая черта, отделяющая нас от либералов, – говорил при этом последний, – заключается в том, что они слишком много обращают внимания на мирские заботы, исключительно ими питают ум и сердце народа, отвлекая его помыслы от небесных благ...» Для Захарии Маколей и его жены эти слова были самой истиной, и потому можно представить себе их недовольство, когда они узнали, что сын на стороне «бунтовщиков». В Кембридж полетели громоздкие письма, но юный радикал оставался при прежнем мнении.

«Напрасно, – писал он отцу, – нежная заботливость моей милой матушки заставляет ее причислять меня к поборникам анархии. Мнения мои, хороши они или дурны, заимствованы не из Гонта и Уйсмана (главы радикалов), а из Цицерона, Тацита и Мильтона. Эти мнения принадлежат людям, служившим украшением общества и искупившим человеческую природу от нравственного упадка, на который она была осуждена целыми веками суеверия и рабства. Быть может, события в Манчестере произошли не так, как мне известно, но если они были таковы, как рассказывают, то я не могу говорить о них без чувства негодования. Если когда-нибудь я сделаюсь равнодушен к людским страданиям, перестану ненавидеть дикую жестокость и не буду негодовать против гнета, то сочту себя недостойным называться вашим сыном...»

Глава II. Первые произведения и речи

На перепутье. – Подготовка к адвокатуры. – Увлечение литературой. – Недовольство семьи. – Домашняя цензура. – Статья «О королевском литературном обществе». – Общий характер первых произведений Маколей. – Речь о невольничестве. – Впечатление от речи. – «Эдинбургское обозрение». – Статья о Мильтоне. – Мнение Маколей о Карле I и английской революции, – Стиль Маколей. – Завоевание читателей. – Покровительство лорда Ландсдауна. – Маколей – депутат от «гнилого местечка»

В 1822 году Маколей закончил университетское образование. Он навсегда сохранил прекрасные воспоминания о своей alma mater, и не потому только, что над этим прошлым, по выражению Писарева, сияли кратким светом золотые медали как дань превосходству его сочинений на премию.

Что начать, чему посвятить свою деятельность – на эти вопросы у него не было еще в эту пору определенных ответов. Первое время он склонялся в пользу адвокатуры. Сюда влекло его природное красноречие и главным образом желание родителей, и он действительно записался в знаменитую практическую школу юристов, Lincoln's Inn. В 1826 году Маколей был принят в корпорацию адвокатов, но никогда не выступал ни в одном процессе. Его не тянуло на это поприще. Среди забот о приобретении юридического навыка он начал посвящать свое время литературным занятиям и не замедлил увидеть, что это именно та почва, на которой суждено обнаружиться его талантам. В 1823 году некто Найт основал новый журнал «Трехмесячное обозрение» (Knight's Quarterly Magazine), и Маколей принял участие в этом издании как самый выдающийся сотрудник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.